

УОТ: 821(100)

Гюльнара Гасанова*

ОТРАЖЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКИХ ТРАДИЦИЙ
В ПОВЕСТИ Л.ТОЛСТОГО «ХАДЖИ-МУРАТ»

Резюме

Лев Толстой призывает уважительно относиться к культуре горских народов, их обычаям и традициям. Будучи на Кавказе писатель проявлял огромный интерес к горцам, изучал их жизненный уклад, особенности характера, фольклор. Картины реальной горской жизни, оставившие неизгладимый след в памяти, нашли позднее отражение в повести «Хаджи-Мурат».

В этом произведении нашли отражение представления об исламских культурных ценностях. Писатель акцентирует внимание на гуманистических общечеловеческих ценностях, заложенных в мусульманской религии. Внимание Толстого к деталям кавказской культуры объясняется желанием рассказать о чужой культуре, показать её богатство. Л.Н.Толстой продемонстрировал глубокое знание жизни народов Северного Кавказа. Интерес Толстого к традициям мусульман был не только этнографическим, но и духовным. Ошибаясь быт и традиции горцев Кавказа, он стремился понять их внутренний мир, психологию. Отражение мусульманских традиций помогают ему высказать идею о возможности взаимопонимания, сближения русских с кавказцами.

Ключевые слова: мусульманские традиции, культура народа, отношение к горцам, этнографический материал, характерные детали

Введение. Всё «чуждое» имеет право на существование, считал Л.Толстой и призвал к уважительному отношению к культуре народов Кавказа, их обычаям и традициям. Эта мысль озвучена и его героем Хаджи-Муратом: «У каждого народа свои обычаи... У нас пословица есть, – сказал он переводчику, – угостила собака ишака мясом, а ишак собаку сеном, – оба голодные остались. – Всякому народу свой... обычай хорош» [1, с.355].

Находясь на Кавказе, писатель проявлял живой интерес к жизни горцев, изучал их быт, нравы, фольклор. Картины горской действительности, запечатлённые в памяти, воплотились позднее в повести «Хаджи-Мурат».

В тексте представлен обширный этнографический материал: описания одежды, пища, убранства жилища, национальные и религиозные обряды и т.д. Детально выписаны образы героев, их характерные черты, внешний вид. При этом особое внимание

уделено цветовой палитре. Восточный наряд насыщен яркими и сочными красками: «красный бешмет на жёлтой рубахе и синие шаровары», «красные шаровары и зелёный бешмет с закрывавшей всю грудь занавеской из серебряных монет», «жёлтая черкесска с оборванными бахромою рукавами», «длинная белая черкесска», «коричневый, с тонким серебряным галуном на воротнике, бешмет», «красные бесподошвенные чувяки», «чёрные чувяки, как перчатка, обтягивающие ступни», «чёрные спущенные ноговицы» и т.д.

Цвет имеет и выразительно-смысловую значимость. Разноцветие – символ близости к природе, красоты и силы жизни. Ещё в молодости, в годы военной службы, когда Толстой вместе с братом жил в Старом Юрте, небольшом чеченском поселении, он подолгу любовался несобыкновенной статью восточных женщин и их живописным нарядом, «прелестным, хотя и бедным». И эти картины представлялись ему

очаровательными.

Но если в одежде горянок преобладали преимущественно яркие цвета, то устройство их жилища было простым и неброским: «врытая в гору сакля с галёркой», «маленькое оконце», «пахучий дым зажжённых... кияжков для кипячения», «в комнате особенный, кислый, кожаный запах», мазаные, белёные стены, войлочный пол в гостевой, красивые пуховые подушки и т.д.

Этнографические детали, облачённые в образную форму, словно растворяются в описаниях. Толстой подмечает самое характерное, типичное и рисует это наглядно и живо. При этом, чтобы не нарушить художественную ткань своего повествования излишними этнографическими подробностями, он даёт их в подстрочных примечаниях (сакля – хижина; кияжк – смешанный с соломой и высушенный навоз, употребляемый для топлива; кунак – друг, товарищ и т.д.).

Сакля делится на общую и гостевую (кунацкую). «Садо в особенно всёмлом и возбуждённом состоянии вышел из кунацкой и вошёл в то отделение сакли, где жило всё его семейство» [1, с.270].

Мусульмане всегда отличались особым радушием. Делиться теплом очага и куском хлеба принято на Кавказе. Гость считается «посланником Аллаха» (Allahın elçisi). Ему стараются во всём услужить. Вспомним встречу Хаджи-Мурата в доме Садо, жителя аула Махкет. Его жена, приветствуя гостя, «перепнувшись вдвое», раскладывала подушки у стены. Затем несла «низкий круглый столик, на котором были чай, пылыгши, блины в масле, сыр, чурек – тонко раскатанный хлеб – и мёд» [1, с.269]. А старшая дочь кумган с полотенцем.

Без гостей нет и достатка в доме, считают горцы (у нас говорят «qonaqsız ev fuzusuz olan»). А поделиться хлебом – значит породниться (çöğək kəsmək).

Правилам гостеприимства следуют и хозяева и гости. Хаджи-Мурат не поддаётся соблазну насестись досыта, и чуть утолив голод, отстраняется от еды. Так поступает и его мюрид Элдар. Неприхотливость и сдер-

жанность в еде являются проявлением уважения к пригласившему дому.

За угощением не принято было вести серьёзных разговоров, и особенно при женщинах. Их не посвящали в мужские дела.

«Хаджи-Мурат... замолчал, увидав входивших в саклю двух женщин». «Садо и Хаджи-Мурат – оба молчали во всё время, пока женщины... устанавливали принесённое перед гостями». «Элдар... был неподвижен, как статуя... пока женщины были в сакле» [1, с.269].

Удел горской женщины вести хозяйство. А обязанность главы семейства заботиться о домохозяйках и защищать их, если придётся. «Пока ты в моём доме и голова моя на плечах, никто тебе ничего не сделают» – говорит Садо своему кунаку [1, с.270]. Он считает это своим долгом, даже если это будет стоить ему жизни. Обидеть гостя, значит обидеть хозяина.

Гостей не только оберегают, но и одаривают подарками. По мусульманской традиции любая пригласившая вещь должна быть отдана гостящему. «...такой закон, ...всё что поправилось кунаку, ...надо отдать кунаку» – говорит Хаджи-Мурат и дарит сыну Воронова Бульке булатный кинжал, а тот взамен дорожке чалы [1, с.291]. Одаривает он и Марию Дмитриевну и Ивана Матвеевича. Ей отдаёт белую бурку, а ему шапку, при этом отказавшись от ответных подарков. «Так надо. Адат так» – считает он.

«Толстой высоко ценит отношение мусульман к женщине, гостю, к таким чертам, как верность, честность, достоинство, человечность», – отмечает проф. А.Дж.Гаджиев. – В описаниях мусульманских ритуалов и обрядов он показал себя тонким знатоком исламской культуры» [2, с.127].

Среди мусульманских ритуалов и традиций богослужения. Упоминается пение муэдзина – служителя мечети, зовущего на молитву. Описан сам ритуал совершения намаза: «Разувшись и совершив омовение, Хаджи-Мурат стал босыми ногами на бурку, потом сел на икры и, сначала заткнув паль-

* Институт литературы имени Низами Гянджеви. Доктор философии по филологии.

цами уши и закрыв глаза, произнёс, обращаясь на восток, обычные молитвы» [1, с.282].

За типично горским этнографизмом выступает и особенно, индивидуальное в личности героя. Органическое сочетание этих черт придаёт образу большие правдоподобия. Хаджи-Мурат предстает как праведный мусульманин, всецело преданный своей вере, он свято чтит исламские обряды, обязательные для всех правоверных. Поклонение Аллаху – их священный долг.

Хаджи-Мурат и живёт по вере, и воюет за неё (хазават – священная война), и жертвует собой.

Человек должен жить по нравственным законам своей веры – утверждает писатель. Лишь так можно не сбиться с истинного пути. Толстой прославляет стойкость духа, мужество борьбы и непреклонность в стремлении к свободе. Ему близка дикая, как сама природа, непокорность горца, и одновременно его простота, доброта и открытость. Именно эти качества притягивают к нему простых русских людей. Им нечего делить и незачем воевать. Они всегда смогут найти общий язык. Ничто так не связывает, как простота, считает автор.

В повести показано сближение двух культур, неподдельный взаимный интерес русских и горцев друг к другу. Воистинному Хаджи-Мурату особенно нравилась простая русская женщина Мария Дингариевна, жена майора. «...её простота, и особенная красота чуждой ему народности, и бессознательно передававшееся ему её влечение к нему» [1, с.347].

И она питала к нему особые чувства уважения и симпатии и положительно отзывалась о нём, как о «хорошем татарине», обходительном, справедливом и умном. «...по больше русских таких...» – говорит она в его защиту. Её поддерживает и Бутлер. Молодой офицер и сам был охвачен «поэзией особенной, энергетической горской жизни». Желая во всём походить на горцев, он приобрёл бешмет, черкеску и ноговицы, и ему казалось, что он теперь как они, и жизнь у него такая же.

Бутлер сдружился с Хаджи-Муратом, Элдаром и Ханефи. С Хаджи-Муратом часто вёл беседы через переводчика, а иногда и собственными средствами, знаками и улыбками. Они много и охотно говорили, рассказывая каждый о своём. А Ханефи шел для них горские песни с грустным напевом, и Бутлер их записывал. Образ Бутлера во многом автобиографичен. Толстой в годы военной службы тоже водил дружбу с чеченцами, «конными джигитами», «молодцами-кавказцами», и также с волевым слушал горские песни, и постигал характеры, сформированные исламом.

Именно тогда и пробудился интерес к религии мусульман. А уже позднее, в поисках высшей истины, он пришёл к осознанию духовных ценностей ислама, утверждающих идеалы высокой нравственности, добра и справедливости. «Толстой... пришёл к той системе миропонимания, которая наиболее полное и яркое выражение... нашла в исламе – отмечает профессор А.Гаджиев. – Поэтому ислам оказался системой нравственных и религиозных ценностей, полностью соответствующей духовному миру писателя» [2, с.126].

Высказывания Толстого об исламе встречаются в сохранившейся переписке с Е.Е.Вскиловой, которая обратилась к нему в связи с решением сыновей поменять веру: «...для меня не может быть никакого сомнения в том, что магометанство по своим внешним формам стоит несравненно выше церковного православия». Писатель признавал превосходство религии мусульман, видя в ней простоту и ясность, самый верный признак истины: «...для всякого разумного человека не может быть сомнения в выборе и всякий предпочтёт магометанство с признаками одного догмата, единого Бога и его пророка вместо сложного и непонятного богословия...» [3].

Толстой был убеждён, что в исламе больше любви, нравственности и человеколюбия. И призывал смотреть на него как на «доброе мусульманина». В Коране ему открылась истина и это изменило его пред-

ставление о мире и божественном. Известно, что к концу жизни он всё чаще обращался к восточной философии, Корану. Тщательно изучал «Изречения Магомета» индийского автора Абдуллаха Аль Сухраварди, которые произвели на него столь сильное впечатление, что он взялся за составление книги из избранных изречений Магомета, не вошедших в Коран. Она увидела свет в 1910 году. Многие из этих изречений были включены им и в «Книги для чтения».

Коранические выражения нашли отражение и в повести «Хаджи-Мурат»: «Бисмилиях ир-рахмани рахим – во имя Бога всемилостивого», молитвословие, с которого начинается каждая глава Корана – «Ля иллаха илл Аллах» – нет Бога, кроме Аллаха; «Мухаммад ун Расуллах» – Магомет есть послол божий, молитвословие; «Я хаки» – О праведный боже!

«Я кайном» – О боже сущий!

«Гу» – О ты, который есть; молитвословие

«Зикр» – молитвословие;

«Истихар-намаз» – особая молитва.

В «Хаджи-Мурате» отражены попытки взглянуть на жизнь сквозь призму восточной мудрости. Писатель творчески использовал опыт философов Востока, выдвигавший на первый план духовную сущность человека и нравственную чистоту.

Хаджи-Мурат – смелый воин с «богом в душе». В его образе Толстой воплотил свой идеал «естественного человека», близкого к природе. Ему удалось сохранить и детскую улыбку, и чистую душу, способную глубоко чувствовать и преданно любить. Его влечёт к народной поэзии, песням, сказаниям. В них душа народа, его характер, чаяния и устремления, настоящее и прошлое.

Горский фольклор заинтересовал писателя ещё задолго до написания повести. Ещё в 1852 году он записал от своих чеченских друзей Садо Мисарбиева и Балты Исаева две лирические песни: «Я сама бы себя убила» и «Ах, тяжко мне, родима матушка». Они были написаны русскими буквами

и имели перевод. В 1927 году эти записки признаны «первым во времени письменным памятником чеченского языка» [4].

Еще в 1875 году Толстой признавался А.А.Фету: «...предания и поэзия горцев и сокровища поэтические необычайные... Вот вам образчик

«Высохнет земля на могиле моей...» [1, с.773-774].

Именно эту песню он ввёл в повесть «Хаджи-Мурат», назвав её «песней о кровомщении». Она особенно нравилась главному герою своим торжественно-грустным напевом: «Высохнет земля на могиле моей – и забудешь ты меня, моя родная мать!...» [1, с.354].

По словам известного лингвиста М.Т.Тадиева, в текстах песен «Толстой сохраняет стиль оригинала», что выражается в «системе фраз и их сцеплениях» [5, с.230].

Фольклор используется писателем как одно из средств создания и раскрытия образа горцев, построения сюжета и формирования композиции. Песня словно предсказывает скорую гибель Хаджи-Мурата. Чудом удаётся Хаджи-Мурату уцелеть, увернувшись от пули. «Что ж, – убьёт, значит так алла хочет», – говорит он Бутлеру, целиком полагаясь на судьбу.

Так же следует от воле providения, когда решается бежать в горы и освободить семью. И вспоминается тавшинская сказка о соколе, пойманном людьми, а по возвращении к своим в горы в пугах с бубенцами, отвергнутом ими. «Так заключают и меня», – думает Хаджи-Мурат [1, с.365].

Сказка позволяет проникнуть в суть национального характера, передать стремление героя к свободе.

Готовясь к побегу, перед рассветом, он слушает песню Ханефи о джигите Гамзате, который угнал у русских табун белых коней. Но за Теремом его настигли русские, окружили войском. Гамзат бился с ними до тех пор, «пока были пули в ружьях и кинжалы на поясах и кровь в жилах».

Такая же кровавая и беспощадная схватка предстоит вскоре и самому Хаджи-Мурату.

Концовка песни пророчит гибель героя и его мюридов в чужой стороне, вдали от родного дома: «Вы, перелётные птицы, летите в наши дома и скажите вы нашим сёстрам, матерям и белым девушкам, что умерли мы все за казават...» [1, с.367].

Когда пришло время выйти против русских, и Хаджи-Мурат стал «биться, как Гамзат». Он яростно сопротивлялся и погиб как настоящий воин. Но в его гибели заключено подлинное бессмертие: только пожертвовав собой, можно оставить о себе достойную память.

Прославление мужества и героизма героя в духе народной поэзии и традиций. Песня напоминает лучшие образцы азербайджанской фольклорной поэзии.

Близка к произведениям азербайджанской народной словесности и задумчивая песня матери Хаджи-Мурата, воспевающая любовь к сыну. Её песня сложена на основе действительных событий: не подчинившись мужу, она отказалась оставить своего ребёнка и стать кормилицей ханского сына, за что получила удар кинжалом. Вот как представлена песня в повести:

«Булатный кинжал твой прорвал мою белую грудь, а я приложила к ней моё солнышко, моего мальчику, омыла его своей горячей кровью, и рана зажила без трав и кореньев; не боялась я смерти, не будет бояться и мальчик-джигит» [1, с.368].

Рисуя её образ, писатель подчёркивает самоотверженность этой женщины, доходящей в любви к своему сыну до самопожертвования. И Хаджи-Мурат привязан к семье столь же сильно. Ему вспоминается мать не сморщенная, седая, с решёткой зубов, а молодая, красивая, сильная, которая носила его за спиной в корзине. Вспоминает он и деда, чеканящего серебро, и родное селение с запахом и вкусом дыма и кислого молока. Видит он и сына Юсуфа, теперь уже молодого красавца джигита с румяным лицом и тонким станом, которого грозит ослепить Шамиль. И он уже не в силах больше ждать. И спешит навстречу судьбе.

Его образ овеян романтикой мужества, «чудными песнями о мщени и удалестве», в которых воспеваются бесстрашие, храбрость, отвага, неистребимая сила жизни. Они усиливают эмоциональное восприятие героя и раскрывают глубину национального характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Л.Н.Толстой. Собр.соч.: в 12 т.Т.12, М.: Правда, 1984.
2. А.Гаджиев, Ф.Рзаев, М.Якубова, С.Алиева. Восток в русской литературе. Учебное пособие. Баку, 2011.
3. Л.Н.Толстой-Веклиовой Е.Е. 13-16 март 1909 г.http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1909-yanvar-iyun/letter-125.htm
4. ИЛЛИ. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
5. М.Т.Тагиев. Заметки о языке и стиле повести Л.Н.Толстого «Хаджи-Мурат»// Учёные записки. Серия филологическая, 1961, №9.

MÜSƏLMAN ƏNƏNƏLƏRİNİN L.TOLSTOYUN "HACI-MURAD" PÖVESTİNDƏ ƏKSİ

Xülasə

Lev Tolstoy Qafqaz xalqlarının mədəniyyətinə, onların adət, ənənələrinə yaxından bələd olduğuna görə bunları yaradıcılığında da əks etdirə bilmişdir.

Yaddaşına həkk etdiyi dağ həyatının gerçəkliklərini "Hacı-Murad" povestində geniş şəkildə təəcəssüm etdirmişdir. Bu əsərdə islam dininin mədəni dəyərləri də öz əksini tapmışdır. Yazıçı diqqətli müsəlman dininin humanist ümumbəşəri dəyərlərinə yönəlmişdir.

Tolstoyun Qafqaz mədəniyyətinə dərin marağının kökündə dağlıların dini və mədəni zənginliyi dayanır.

Tolstoyun müsəlman ənənələrinə bəyənəməsi və onu əsərlərində əks etdirməsi qafqazlılarla rusların qarşılıqlı anlaşmasının mümkün olması ideyasını söyləməyə imkan verir.

Açar sözlər: müsəlman ənənələri, xalqın mədəniyyəti, dağlılara münasibət, etnoqrafiya materialı, tipik detallar

REFLECTION OF MUSLIM TRADITIONS IN THE STORY BY LEO TOLSTOY "HAJI-MURAT"

Summary

L.Tolstoy respected the culture, customs and traditions of the Caucasian people. The realities of mountain life imprinted in memory were reflected in the story "Haji-Murat".

It finds its reflection of idea of Islamic cultural values in the story "Haji-Murat" by L.Tolstoy. The writer paid attention on the humanist universal values in Muslim religion. Tolstoy's interest to the Caucasian culture is related to religious and cultural values of mountaineers.

Reflection of Muslim traditions helps to state the idea about a possibility of mutual understanding between Russians and the Caucasians.

Key words: muslim traditions, culture of the people, attitude towards mountaineers, ethnographic material, characteristic details